

О.Н. АСТАФЬЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ДИНАМИКА МОДЕЛЕЙ И СМЫСЛОВ

Аннотация: *Взаимодействие культур в условиях интенсификации глобализационных процессов приводит к появлению новых моделей, анализ которых предполагает обновление категориального аппарата культурологии. Междисциплинарные решения приводят к расширению смысловых значений понятий, используемых в разных областях знания. В статье раскрываются особенности культурной гибридизации, связанные с транснационализацией социокультурного пространства; выявляется специфика процесса конвергенции культур, приводящего к возникновению в языках разных культур общих структурных свойств вследствие интенсивных контактов. Смысловым изменениям подвергается также стратегия межкультурного диалога. По мнению автора, вариативность моделей выступает реакцией культуры на глобализацию.*

Abstract: *The interaction of cultures under the conditions of intensifying globalization processes gives rise to new models whose analysis implies an updating of conceptual tools of cultural studies. Interdisciplinary decisions lead to an add-on in the semantics of concepts used in different fields of knowledge. The article reveals the peculiarities of cultural hybridization connected with transnationalization of sociocultural space; it defines the specificity of the process of convergence of cultures leading to the emergence of common structural properties in the languages of different cultures due to intensive contacts. The strategy of intercultural dialogue also undergoes semantic changes. In the author's opinion the variability of models acts as a reaction of culture to globalization.*

Ключевые слова: *междисциплинарность, глобализация, взаимодействие культур, транснационализация, культурная гибридизация, конвергенция культур, межкультурный диалог.*

Keywords: *inter-disciplinarity, globalization, interaction of cultures, transnationalization, cultural hybridization, convergence of cultures, intercultural dialogue.*

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» МИГСУ РАН-ХиГС при Президенте РФ, заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии (Москва). E-mail: onastafieva@mail.ru.

В настоящее время в условиях, когда интеграционные процессы в культуре принимают доминирующий характер, все изменения системы, с одной стороны, получают конкретное объяснение, исходя именно из фактора глобализации культуры. С другой стороны, перспективы дальнейшего развития локальных культур становятся все более размытыми. Ведь сверхсильная неустойчивость в переходных периодах, когда та или иная культура находится «на перепутье», одновременно «открывает» перед ней множество сценариев для перехода в иное состояние, усиливая вместе с тем значимость каждого события для ее будущего. Событие, казалось бы, самое незначительное в масштабах человечества, способно инициировать даже решающий сценарный поворот в социокультурном развитии глобализирующегося мира.

В данной статье нам хотелось бы обратить внимание на то, что повышенный исследовательский интерес к культуре как выразителю специфики национальных и цивилизационных систем во многом обусловлен именно тенденцией расширения и интенсификации глобализационных процессов в начале нового тысячелетия. Под влиянием взаимобменом товарами, знаниями, информацией, культурными ценностями и пр. изменился не только мир, восприятие истории и будущего человечества, но и процесс теоретизирования о происходящем. Глобалистика, став, по существу, междисциплинарным направлением социально-гуманитарного знания, закрепила отказ от линейно-плоскостных трактовок происходящих трансформаций во всех сферах бытия, признала многомерность интегративных процессов.

Категория «взаимодействие культур» играет ключевую роль в исследованиях процесса глобализации¹. На начальном этапе его научное осмысление концентрировалось в основном на употреблении двух базовых оппозиций: *унификация культур* как результат агрессивной глобализации (позиция универсализма) и *дифференциация*, доминантой которой выступает сохранение этнокультурного своеобразия (партикуляристская позиция).

Сегодня все усложняющаяся реальность уже не укладывается в рамки подобных схем. Это естественным образом привело к расширению и обновлению категориального аппарата социально-гуманитарных исследований, в том числе и по проблемам глобализации. При характеристике интеграционных тенденций исследователю недостаточно привычных категориальных оппозиций для отражения сущности происходящих из-

¹ См.: Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. Взаимодействие культур // Глобалистика: энциклопедия / Гл. ред. и состав. И.И. Мазур и А.Н. Чумаков; ЦНПП «Диалог». М., 2003. С. 108-112.

менений, ведь динамика глобализации как социокультурного процесса рано или поздно выходит за пределы используемых для его описания философско-культурологических понятий, поэтому современная наука, в какой-то мере посредством введения в оборот альтернативных дефиниций, пытается компенсировать эту недостаточность. Такими категориями все чаще становятся «конвергенция» и «гибридизация». Их включение в социально-гуманитарный дискурс происходит медленно и не носит механического характера, поскольку такого рода приращения всегда требуют длительного периода адаптации.

Как показывает практика, если взаимодействие культур в современном мире проходит как процесс смешения культур, то его следствием может стать культурная гибридизация. Такое понятие достаточно точно отражает результат процесса, но, с точки зрения категориального аппарата, «гибридизация» – это понятие с обновленным смысловым значением.

Сохранение культурного разнообразия – отправная точка гуманистических концепций глобалистики. Так или иначе, вопрос о будущем культуры концентрируется вокруг возможности/невозможности проявления ее самобытности в современном мире. Это может быть «самобытность в условиях открытости», которая связана со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур в глобализирующемся мире. Носители этнической культуры этого типа открываются навстречу контактам с другими культурами, тем самым создавая атмосферу «предуготовленности» к межкультурному диалогу. Иные цели преследуются носителями «самобытности как формы закрытости»: это защита своего природного и социокультурного пространства, противопоставление своих ценностей чужим, которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной видится «самобытность, устремленная в будущее, – *project identity*», создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма².

Соответственно, с одной стороны, *ориентации на ценности открытого мира* не обязательно ведут только к унификации культуры, но и позволяют удерживать ситуацию культурного плюрализма и этнокультурного разнообразия путем создания полей ценностного взаимодействия. Однако, с другой стороны, не исключены сценарии, при которых открытость как условие сближения будет способствовать формированию об-

² См.: Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 307-308.

разцов транснациональной культуры, вбирающих в себя и нивелирующих этнические ценности и этнокультурную самобытность. Существуют и иные, менее осознаваемые, но не менее сложные и в какой-то мере опасные для сохранения культурного разнообразия альтернативы будущего развития культур в ситуации постоянных контактов, взаимодействий и взаимовлияний.

На современном этапе глобализации тенденции изоляционизма («защитной самобытности» традиционных культур и т.п.) уже не рассматриваются как ведущий фактор, поддерживающий этнокультурное разнообразие мира. По мнению П. Штомки, человечество сегодня переходит от модели изоляции к модели глобализации, впервые превращаясь в своей истории в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на Земле. Опираясь на мнения известнейших специалистов и экспертов, ученый раскрывает концепции, разные по пониманию образа будущего, подчеркивая, что в политических, экономических и культурных отношениях в глобальном сообществе пока доминирует тенденция к единообразию. Унификация охватывает структуру и формы потребления, стиль жизни, художественные вкусы и предпочтения. Средства массовой информации (их лидер — телевидение) транслируют свои передачи вне каких бы то ни было границ, а «туристический бум», единые компьютерные программы и единый язык коммуникации медленно, но все-таки размывают местные культурные традиции. По всем странам и континентам распространяется массовая потребительская культура западного типа, становясь «универсальной» и востребованной³.

Транснационализация социокультурного пространства приводит к смешению и переплетению культур⁴, появлению разных моделей гибридизации. Говоря о термине «гибридизация», который означает «скрещивание», Н.Г. Канклин подчеркивает, что в данном случае речь идет не о расовом смешении и не о сближении религиозного или символического порядка. Гибридизация — сложный процесс, а не единая программа, и она может либо ускорить распад ослабленных культур, либо стимулировать многокультурную интеграцию, либо обострить межкультурное противоречие. Гибридизация может возникать вследствие интенсификации миграционных потоков. Кроме того, процесс культурной гибридизации

³ См.: Штомка П. Социология: анализ современного общества: Пер. с польского. М., 2005. С. 602-620.

⁴ О сущности процесса транснационализации см.: Астафьева О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура, общество в контексте глобализации. М., 2007. С. 5-11.

может стимулироваться (или, напротив, сдерживаться) инструментами дифференцированной культурной политики, либо «вращиваться» коммуникационным рынком⁵. В результате взаимодействия культур образуются сложные пересекающиеся пространства, испытывающие на себе влияние регулятивных механизмов различных субъектов.

Каковы же последствия стратегий, направленных на стимуляцию гибридизации? Этот вопрос — один из самых дискуссионных. «Для глобалистов, — пишет З. Бауман, — культурная гибридизация, возможно, явление созидательное, освобождающее от пут, но культурное бесправие местных таковым не назовешь; речь здесь идет о понятном, но досадном стремлении первых смешивать эти два явления»⁶. Ученый специально подчеркивает сложность и остроту противоречий, раздирающих глобализирующийся мир.

Тем не менее, нельзя не заметить и иной направленности управленческих стратегий, а также различные формы проявления самоорганизации. Отсюда и пульсирующие социокультурные изменения, разные формы дифференциации и дивергенции, спонтанность этнокультурных взаимодействий, не в меньшей степени, чем рационально «управляемые» глобализационные тренды, способствующие формированию полилового пространства, насыщенного «ценностями с отрефлексированным соперничеством»⁷. В результате этой ситуации может быть установлен позитивный диалог между взаимодействующими культурами, но при этом одной из возможных моделей взаимодействия является и «иллюзия диалога» (Ж. Бодрийяр). В ее рамках возникают гибридные комбинации межкультурных контактов. Философско-культурологический анализ этих сложных изменений «текущей современности» (З. Бауман) предполагает концептуализацию и разведение понятий «унификация» и «гибридизация».

Понятием «гибридизация» раскрывается сущность сверхбыстрого (в короткий период времени) и порой неожиданного соединения элементов, фактов, явлений, процессов культуры, в результате чего происходит трансформация «границ культур». Глобализация не исключает, а подразумевает развитие различных культур и традиций, поскольку именно в них содержится потенциал для дальнейшей эволюции человечества, в то время как унифицирующая мир вестернизация ведет мир в тупик «культурного империализма».

⁵ См.: Канклини П.Г. К гибридным культурам? // Ключи от XXI века: сб. статей: Пер. с франц. М., 2004. С. 115-117.

⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества: Пер. с англ. М., 2004. С. 141.

⁷ См.: Луман Н. Дифференциация: Пер. с нем. М., 2006. С. 230-231.

Ценности различных культур несопоставимы и несоизмеримы, утверждает У. Ганнерс, и среди них не может быть никаких универсальных эталонов, навязанных одной из сторон. Поэтому У. Ганнерс предполагает развитие четырех сценариев: сценарий «глобальной гомогенизации» – доминирования западной культуры и распространения ее образцов потребления по всему миру; сценарий «культурного насыщения» – периферия впитывает культурные образцы центра, насыщается, что постепенно приводит к культурной однородности; сценарий «культурной деформации», или «периферийной адаптации», означает упадок и разложение западной культуры в процессе адаптации, приспособления ее к привычному образу жизни потребителей; сценарий «созревания» – равного диалога и обмена, образующих единый сплав внутренних и внешних элементов. Четвертый из сценариев У. Ганнерс называет «креолизацией», иначе – «гибридизацией» культуры, полагая, что в современном мире все культуры представляют собой сложный синтез, они уже неоднородны. Но это не слияние культур в единое глобальное целое, а особая форма их взаимодействия – диалог смыслов, ценностей, правил и идей⁸.

Процесс сближения культур влияет на перспективы этнокультурной идентичности в эпоху глобализации. Когда С. Холл говорит о трех сценариях возможных последствий влияния глобализации на идентичность, он не исключает и гибридизации. Впрочем, каждый из сценариев имеет серьезные основания в современной культуре и может быть реализован. Однако во всех случаях глобализация оценивается исследователем как сложный, протяженный во времени процесс. По одному из прогнозов ее результатом может стать достижение *культурной однородности*. Тогда этнонациональная идентичность и культура станут частью индустрии глобальной культуры и мультинациональных средств массовой коммуникации и информации. Если будет усиливаться *культурное сопротивление* глобальной культуре, то это укрепит национальный, региональный и локальный уровни идентификации. Наконец, не исключается третий сценарий: появление «*идентификационных гибридов*» – новых мощных субкультур, которые базируются на переплавке традиционных влияний⁹.

Увеличение контактов с «чужими» культурами ведет к *усложнению идентичности*, и в зависимости от личности человека происходит либо

⁸ О концепции У. Ганнерса (Hannerz U. *Transnational connections: Culture, people, places*. London: Routledge, 1996) см.: *Штомка П.* Социология: анализ современного: Пер. с польского. М., 2005. С. 614-617.

⁹ См.: Hall S. The question of cultural identity // Hall S. et. al. (ed). *Modernity and its Future*. Cambridge, 1992. P. 300.

«разграничение» с иными картинами мира, либо принятие норм, стилей, образов жизни как допустимых. Поэтому картина мира становится либо *полифоничной* («множественная идентичность»), т.е. принятие каждого структурного компонента не нарушает его самостоятельности, либо *гибридной* – новой формой смешения. Однако чаще всего говорят о преобладании мозаичности и *коллажности*, так как глобализационные процессы, интегрируя внешнее культурное пространство, усиливают внутреннюю этнокультурную дифференциацию.

На наш взгляд, современный человек должен научиться отбирать необходимые элементы из других культур таким образом, чтобы это не мешало его персональной и этнокультурной (локальной) идентичности. Освоение коннотативных слоев новой информации, рефлексия, не фиксируемая как акт деятельности, приводят к процессу осознания *инаковости*, выстраиванию новой самоидентификации: в своем этносе человек осознает свое нахождение во вполне определенном слое людей – либо принимающих разделяемые им ценности открытости другим культурам, либо полностью отрицающих позитивность взаимодействия. В каждом этносе присутствует слой и «новаторов», и «традиционалистов», «консерваторов». Подобная социокультурная неоднородность этноса характерна не только для современной ситуации. При любых условиях первая из названных – это более перспективная модель, чем предлагаемые сторонниками «защитной самобытности» плоскостные решения: демонстрация этнокультурной самобытности через внешние факторы, без учета изменяющегося контекста и возможностей индивидуальных проявлений в культуре.

Поэтому, говоря о социокультурной неоднородности этносов, нельзя не отметить проявление *разных типов идентификационных моделей*. Например, две наиболее распространенные в глобализирующемся мире модели – это *усложненная этнонациональная идентификация и маргинализация*. Обе уже сегодня имеют место в разных этнических сообществах, поскольку являются следствием адаптации к ситуации открытости и инновационной активности. В первом случае существует опасность «нарушения» пределов сложности (утрата целостности), а во втором – упрощение грозит *декультурацией, деструкциями*, как крайними проявлениями маргинализации. Маргинализация характеризуется утратой человеком связи со своей культурой, его готовностью вписаться в любой контекст, независимо от стиля, а технизм, проявляемый при этом человеком, свидетельствует о поверхностном освоении социокультурного пространства.

При маргинализации происходит вытеснение этнического бессознательного на периферию, о чем могут свидетельствовать: фрагментар-

ность восприятия сложившейся у этноса картины мира (информация извне сильнее и возбудители мощнее); «сжатие» объемов мифологического поля этноса и включение в него новых мифов, которые поначалу существуют параллельно, но потом подменяются новыми стилями и образами, полностью утрачиваются связи со своей культурой, которая проявляется как один из фрагментов реальности. Нивелирование системы ценностей, смена паттернов поведения, стилей, образа жизни также свидетельствуют о маргинализации как показателе кризиса идентичности. Он проявляется в потере корней, в забвении одного из архетипов коллективного бессознательного души современного человека – европейско-го символического ряда, как указывал К. Юнг¹⁰.

Насколько важным для любого этноса является сохранение своеобразия культуры как основы для самоидентификации личности, мы можем судить по тем стратегиям национальной культурной политики, которые проводятся тем или иным государством¹¹. Независимо от этого, для всего человечества ценность представляет культурное разнообразие как источник развития и общее достояние¹². Таким образом, теория культурной гибридации отражает новые грани динамичного процесса взаимодействия культур и глобализации как противоречивого социокультурного процесса.

Не менее дискуссионной является проблема взаимодействия культур по модели *конвергенции*. Если исходить из понимания конвергенции культур как определенной ступени зрелости глобальной интеграции, то тогда проблема культурного разнообразия и проявления толерантности к другим культурам как условия сосуществования различных культур также требует своего переосмысления.

Дело в том, что термин «конвергенция» уже активно используется политологами. Он позволяет фиксировать внимание на увеличении сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии исторического развития, подчеркивать важность устранения разных форм внеэкономического (культурного, информационного и др.) неравенства. В рамках современных тенденций принципом, лежащим в основании конвергенции как процесса, выступает *логика сглаживания* социальных

¹⁰ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

¹¹ Система координат, по мнению А.И. Уткина, во многом зависит от того, к какому типу относится государство: а) высокотехнологичному; б) стремящемуся модернизировать свою экономику; в) поглощенного национализмом. См. об этом в главе 7 «Новая идентичность против глобализации» // Уткин А.И. Глобализация. Процесс осмысления. М., 2001. С. 166-187.

¹² См.: Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Франция, ЮНЕСКО, 2002. Париж, 2002.

конфликтов в условиях либерально-демократических преобразований. Неизбежны и конфликты между культурами, поскольку переплетению и «сцеплению» интересов препятствуют характерные для них глубокие различия. Дефицит толерантности и лояльности к различиям может обернуться вызревaniem негативных сценариев мирового развития. Стратегическая ориентация на понимание Другого — один из путей к межкультурному диалогу и к сближению.

Говоря о процессах конвергенции, мы предлагаем выйти за узкие смысловые рамки, так как имеем в виду не только сближение технологических форм, трансформирующих функции масс-медиа и телевидения. Однако сегодня преобладает именно технологический контекст употребления термина «конвергенция», т.е. речь идет в основном либо о перемещении центра тяжести услуг телефонии из традиционных телефонных сетей в сотовые, либо о процессах бизнес-конвергенции, либо о создании единой мультисервисной сети. Соответственно, конвергенция — в таком прочтении — характеризует объединение сетевой инфраструктуры, информационных технологий и медиаиндустрии в единый узел. В социально-гуманитарных исследованиях понятие «конвергенция» насыщается новыми смыслами. Наша исходная позиция при обращении к этой категории такова: каждая культура вписана в мировое социокультурное пространство, и, чтобы поддержать свой статус, она интегрируется в глобальную культуру своими образцами и зачастую вынуждена использовать разные инструменты (финансовые, технологические), чтобы участвовать в информационно-коммуникативных системах, поддерживая собственный позитивный имидж. Поэтому по отношению к культуре как целостности, как сложной системе артефактов, ценностей, смыслов, символов термин «конвергенция», на наш взгляд, должен употребляться избирательно.

Исходя из сказанного, конвергенция может охватывать какую-то часть, фрагменты национальной культуры (сложившиеся формы коммуникации, стиль жизни), которые и становятся *конвергентной зоной*. В открытом информационно-коммуникативном пространстве — благодаря новым средствам связи и виртуальным формам взаимодействия в языках разных культур — трансформируются структурные свойства национальных культур, создавая общую базу для конвергенции языков субстрата. Исторический процесс, приводящий к уменьшению разнообразия в системе языка вследствие исчезновения некоторых вариантных или инвариантных различий, получил название структурно-диахроническая конвергенция.

Процесс конвергенции проявляется и в других сферах культуры, таких как мораль, которая также испытывает на себе влияние тенденции

сближения культур. Там, где невозможна унификация, там, где существуют «неустрашимые в силу сложившихся традиций границы», конвергирующая тенденция дает о себе знать в виде, например, *синтетической концепции доверия в сетевом взаимодействии*¹³. В качестве критериев оценки вступающих в коммуникацию акторов (как индивидуальных, так и коллективных) П. Штомка называет *репутацию, достижения и внешний вид* (в смысле наличия маркеров престижности). Это, с одной стороны, становится общим для разных по своим этнокультурным традициям людей, а с другой стороны, придает им одинаковость, делает их узнаваемыми, «своими». Здесь идентификация фиксирует общее, а не уникальное.

Высказываются точки зрения, что в условиях тесного сосуществования старых и появления новых форм религии образуются глобальные религиозные сети и виртуальные коммуникации. Это само по себе размывает границы традиции, а в ряде случаев и канона.

К проявлениям конвергенции может быть отнесен процесс «детрадиционализации», суть которого заключается в трансформации функции института традиции: в разных культурах традиции постепенно утрачивают прежнее содержание, не выступают основой порядка, не воспринимаются как строгие образцы и модели поведения. Э. Гидденс полагает, что «традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч — безделушки из сувенирного магазина в аэропорту»¹⁴.

Однако не все так однозначно, ибо, по мнению П. Бергера, в представлениях о бездумной глобальной гомогенизации в огромной мере недооценены творческие и изобретательские способности людей, сталкивающихся с вызовами в области культуры. Тому есть множество примеров, которые касаются, скажем, экономического успеха китайских диаспор во всем мире, связанного не в последнюю очередь с соединением принципов традиционной деловой культуры китайцев с современными методами ведения бизнеса и др.¹⁵

Таким образом, завершая постановочную по своим задачам статью, подчеркнем, что взаимодействие культур в современном мире в описанных выше моделях «гибридизации» и «конвергенции» является определенной реакцией на глобализацию. С одной стороны, их распростране-

¹³ См.: *Shtomka P. Trust. A Sociological Theory. Cambridge, 1999.*

¹⁴ *Гидденс Э. Ускользающий Мир. Как Глобализация Изменяет Нашу Жизнь. М., 2004. С. 60-61.*

¹⁵ См.: *Бергер П.Л. Культурная Динамика Глобализации // Многоликая Глобализация: Культурное Разнообразие В Современном Мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона / пер. с англ. М., 2004. С. 18.*

ние указывает на усложнение процессов взаимовлияния культур, но также и на активное распространение «тенденций на сближение». Они приводят не только к ослаблению, но зачастую и к возрождению местных традиций. С другой стороны, стратегия синтеза иностранных и местных культурных особенностей (П. Бергер относит такую форму гибридизации к квазилокализации¹⁶) также находит своих сторонников в разных странах.

Взаимодействие культур на современном этапе глобализации – это стратегия межкультурного диалога, которая также должна быть уточнена с учетом новых реалий изменяющегося мира, но это – иной подход к пониманию «своей» и «другой» культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура, общество в контексте глобализации. М., 2007.
2. Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. Взаимодействие культур // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. и состав. И.И. Мазур и А.Н. Чумаков; ЦНПП «Диалог». М., 2003.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества: Пер. с англ. М., 2004.
4. Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Бергера и С. Хантингтона: Пер. с англ. М., 2004.
5. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Франция, ЮНЕСКО, 2002. Париж, 2002.
6. Гидденс А. Ускользающий мир. Как глобализация изменяет нашу жизнь. М., 2004.
7. Канклин П.Г. К гибридным культурам? // Ключи от XXI века: Сб. статей: Пер. с франц. М., 2004.
8. Кагель М. Могушество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
9. Луман Н. Дифференциация: Пер. с нем. Б. Скуратова. М., 2006.
10. Уткин А.И. Глобализация. Процесс осмысления. М., 2001.
11. Штомка П. Социология: Анализ современного общества: Пер. с польского. М., 2005.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
13. Hall S. The question of cultural identity' in Hall, S.et. al. (ed), Modernity and its Future. Cambridge, 1992.
14. Hannerz U. Transnational connections: Culture, people, places. London, 1996.
15. Shtomka P. Trust. A Sociological Theory. Cambridge, 1999.

¹⁶ Там же.